

## К 45-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

«Я — УЗНИЦА РАВЕНСБРЮКА. ДОЛГОЕ ВРЕМЯ МЫ СТЫДИЛИСЬ СВОЕЙ СУДЬБЫ. И ЛИШЬ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД, КОГДА ОБ УЗНИКАХ КОНЦЛАГЕРЕЙ ЗАГОВОРИЛИ КАК О ЖЕРТВАХ. А ИНОГДА И КАК О ГЕРОЯХ, МЫ ПОЧУВСТВОВАЛИ СЕБЯ ЛЮДЬМИ...».

(из разговора с М. Л. Яровой, жительницей ст. Успенка).

# ТРИ ГОДА БЕЗ ИМЕНИ

...На этот раз не удалось побег. Под утро их настигли собаки. Измученных девчат в полосатых робах вернули в лагерь. Долго пытали: кто организовал побег. Нашлась такая, что не выдержала, указала на Марию Яровую («бедовой была в молодости»).

Наказание последовало незамедлительно. Трое суток ее держали в карцере. Потом — новый лагерь, печально известный Равенсбрюк. Это было в конце 1942 года.

Тяжелые железные ворота и несколько рядов колючей проволоки жестко отсекали узников от воли.

Завели в деревянный барак. Тугая волна спертого воздуха ударила в лицо. Запершило в горле, стало трудно дышать.

Спать приходилось на трехъярусных нарах. От стужи не унять дрожь в теле. Укрыться ничем — соломенный матрац не сохранял тепла. Чтобы хоть как-то согреться, ложились по двое. Но за это наказывали — не положено. Да

только ли за это?!

— Запретов было мно-



**11 апреля —  
Международный  
день  
освобождения  
узников  
фашистских  
концлагерей**

жество. — вспоминает Мария Леонтьевна. — И за малейшее нарушение — наказание. Здесь был свой режим, который мы называли «Смертный». Обувь узниц — деревянные колодки зимой и летом. Одежда — длинное полосатое платье, (грубые неуклюжие штаны на веревке, рубаха «як» (жакет)). Женщины острижены наголо. Доноры под страхом смерти, время от времени берут кровь для немцев на фронт. Мучительный голод..

Утром, лишь только расцветет, раздается коман-

да: «Апель!» («На проверку!»). Сгиснешь зумы, чтобы сдержать крик — и быстро одеваться. Выстроят нас в шеренги — перекличка идет. И попробуй переступить с ноги на ногу — сразу по спине палку.

У узниц нет ни фамилий, ни имени. На перекличке нас называли по номерам. Моим «именем» был лагерный номер 22253.

Девчата настолько свыклись с этими номерами, что даже сейчас в письмах, подруги-узницы присоединяют к имени номерной знак.

— Работали рядом с бараками — таскали тяжелые камни для ограждения лагеря. Костлявые, бессильные тащим носилки, доверху груженные, а тебя еще и понуждают: «Шнель! Шнель, фарфлюте швайн!»

Работали до ночи, без обеда. А на завтрак — кружка кипяченой воды да 50-ти граммовый кусочек хлеба из ботвы. На ужин — баланда из свеклы...

Собеседница протягивает мне истлевший от времени клочок бумаги. Это молитва. Девчата дали на «всякий случай». Единственный лучик надежды — на бога.

...Морно отстукивает минуты будильник. Слышна немецкая речь по радио. И снова привычно сжимается сердце. Говорят об объединении Германии. Потом музыка. Много музыки. Как можно больше музыки. Может, для того, чтобы легче вымывалось, уносилось из памяти страшное прошлое?..

Т. ВЛАДИМИРОВА.